

ЭО, 2008 г., № 2

© О.Ю. Артемова

ДЕСЯТЬ ЛЕТ "ПЕРВОБЫТНОСТИ" В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ, ПУБЛИКАЦИЙ

"Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича – изобразительная ли сила его таланта или полное незнание с вопросом, по которому он писал..."

М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита

Вступление

Не боясь прослыть "певицей первобытности", спрошу: были ли в истории человечества рывки "вперед", равные по мощи своей и по своим последствиям формированию орудийной деятельности, освоению огня и – в особенности – созданию нормативной культуры взаимопомощи и коммуникативных знаковых систем? Это те палеолитические киты, на которых общество стоит и по сей день. И не случайно эпоха, когда были сделаны эти главные достижения человечества, в 500 раз превосходит по длительности все его дальнейшее развитие. Длительность здесь пропорциональна содержанию и значению. Такие простые и банальные истины часто упускаются из виду "певцами цивилизации".

Приведем некоторые весьма симптоматичные примеры. В конце 1990-х годов на солидном научном собрании в Институте востоковедения РАН, посвященном глобальной дилемме "Формационный или цивилизационный подход к истории?", один заслуженный коллега произнес с кафедры: "Хорошо с первобытностью, там все ясно – собрали, съели..." И почему-то никто не смеялся!

А незадолго до этого я принесла покойному А.Я. Гуревичу заявку на доклад "Личность в первичной формации", он прочел и обратился к стоящему рядом маститому историку: "Вот видите, оказывается, и в первичной формации была личность, а вы насчет средневековья сомневаетесь!". Видимо, и сам А.Я. Гуревич усомнился – во всяком случае, заявка осталось без реакции, – зато не раз и не два звучали на его семинарах насыщенные блеском учености (не слишком ли нарочитой?) доклады Л.М. Баткина о рождении индивидуальности личности в эпоху Возрождения в среде европейских интеллектуалов, в которой только она, эта индивидуальность, и развивалась чуть ли не до XIX столетия, "хотя, конечно, и крестьянки тоже чувствовать умели..." (цитата из конспекта одного из докладов).

И это говорят историки. Но и неисторики тоже считают, что о чем, о чем, а уж о первобытности-то они все знают! И могут авторитетно высказываться в аудитории специалистов, писать, публиковаться и даже, что хуже всего, преподавать материал студентам, учить новые поколе-

ния или просвещать широкую публику. Вот, например, журналистка и "новая русская феминистка" И. Корчагина опубликовала книгу "Парадоксы души русской женщины" (1997). Но прежде чем анализировать женский вопрос в отечественной современности, она обратилась к истокам – к эпохе матриархата. Невзирая на то, что еще на рубеже XIX–XX вв. серьезные этнологи отрицали существование каких-либо научных оснований у гипотезы матриархата, и, очевидно, не подозревая, что в авторитетных международных изданиях по культурной (социальной) антропологии уже более чем столетия этот термин фигурирует лишь в историографическом контексте, она процитировала определение матриархата по "Краткому энциклопедическому словарю" (1997) и далее написала: "меня, лично, такое определение не устраивает". Взамен, естественно, была предложена иная "концепция". Она хоть и "концепция" того, чего не было, но зато такая, которая И. Корчагину, лично, устраивает.

В октябре 2003 г. мне пришлось участвовать в конференции "Человек, культура и этнос в науке XXI века (вторые Широкогоровские чтения)" (Москва, Институт философии, 21–22 октября 2003 г.), проводившейся Институтом человека РАН и несколькими государственными университетами. Маститые философы, доктора наук, рассуждали о первобытности как о феномене всем очевидном и особенно упирали на то, что "первобытный человек, глядясь в зеркало культуры, еще не способен был узнать себя как личность и отграничить себя от коллектива".

В конце 1990-х и начале 2000-х годов я написала несколько рецензий на опубликованные и готовящиеся к печати труды, авторы которых с лихостью ныряли мыслью в глубь времен и столь уверенно описывали жизнь палеолитических и мезолитических людей, будто сами в ней непосредственно участвовали. По ряду причин эти рецензии не были напечатаны, зато те, кому моя критика посвящалась, отнюдь не теряли времени зря. Они публиковались и публиковались. Да еще и плодили духовных и интеллектуальных последователей. Мне в конце концов стало стыдно за свою нерасторопность и нецелеустремленность, и я решила вернуться к заметкам десятилетней давности и попытаться, по возможности, протянуть от них несколько ниточек к настоящему времени.

Апокалиптический палеолит

Десять лет назад я получила для рецензии рукопись статьи А.М. Буровского под названием "Идиллический палеолит?" с эпиграфом "Дети! Храните себя от Идолов!" (глава "От Иоанна", правда, была указана неверно). Автор охарактеризовал себя так: "Доктор философских наук, археолог" (представим по аналогии: "Доктор исторических наук, гастроэнтеролог"; ну да ладно, всякое бывает). Он также отмечал, что преподает антропологию (какую?... а впрочем, так ли уж важно...) в Красноярском университете. В статье критиковались всякие "дилетантские" мышления вроде теории "неолитической революции" Гордона Чайлда и доказывалось, что палеолит был "ужасен" – в нем царствовали геноцид, каннибализм, беспощадное и бессмысленное уничтожение фауны и т.п. Примеры в подтверждение тезисов имели весьма широкий спектр от археологических данных о верхнепалеолитических жителях Сибири, якобы безжалостно истребивших мамонтов, до этнографических данных по масаям (кстати, современным африканским скотоводам, не сопоставимым с палеолитическими евразийскими охотниками), которые жестокосердно уничтожали львов; а также африканским пигмеям мбути, которые хотя и знают, что "не в силах съесть слона целиком, все равно убивают его полностью...".

Получив мою отрицательную рецензию на рукопись статьи А.М. Буровского, журнал "Общественные науки и современность" незамедлительно опубликовал эту статью (1998, № 1). Автор подправил ссылку на источник в эпиграфе, изменил фразу о слоне и смягчил слова о дилетантизме Г. Чайлда. Усовершенствованные фразы стали выглядеть так: "Убивая слона, пигмеи заранее знают, что успеют использовать только часть туши" (Буровский 1998: 170) и «Рассуждающие о "палеолитическом человеке" и о "неолитической революции", таким образом, сильно похожи на дилетантов» (Там же: 165). Кроме того, А.М. Буровский заметно усилил свои позиции новыми леденящими душу, но весьма сомнительными, с точки зрения достоверности, примерами зверств охотников и собирателей, и почему-то особенно досталось эскимосам. Отме-

тим, что в списке использованной А.М. Буровским литературы полностью отсутствуют имена авторитетных западных этнологов (как, впрочем, и вообще литература на иностранных языках), исследовавших жизнь охотников и собирателей. А ведь их труды исчисляются сотнями и отнюдь не свидетельствуют об экологическом варварстве, тем более о людоедстве и геноциде у людей с присваивающей экономикой¹. Да и по-русски солидные исследователи писали о том же (напр.: Кабо 1981, 1984).

Но сегодня все это для А.М. Буровского уже прошлогодний снег. Количество его публикаций, вышедших после 1998 г., и разброс их тем не поддаются перечислению. Он писал обо всем, что могло заинтересовать публику дешевыми эффектами и принести прибыль. За прошедшие годы он издал несколько ненаучно-фантастических и детективных романов (напр., "Сибирская жуть – 4. Не будьте спящую тайну" [2001; наверное, есть и предыдущие три], "Медвежий ключ" и "Орден костяного человечка" [оба – 2004]), включился в число специалистов по современным человеческим взаимоотношениям, в том числе между полами, издав книги "Мужчины. Инструкция по применению", "Девочки. Инструкция по применению" (обе – в 2005 г.; были также и две аналогичные "инструкции по пониманию"), создал новую теорию антропогеосферы и оформил ее в виде монографии и учебного пособия для вузов ("Антропоэкология", 2005), занялся популярным и выгодным делом пересмотра отечественной истории в духе скандальных "разоблачений", написав книги "Крах империи. Курс неизвестной истории" (2004), "Россия, которой не было. Курс неизвестной истории", "Русская Атлантида", "Россия, которая могла бы быть", "Москва. Пробуждение зверя" (все это – 2005) и "Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории в 2-х кн." (2004), а также попробовал себя в литературоведении ("Пушкин глазами евреев" [2004]) и в эзотерике ("Облик грядущего. Системное расследование будущего. Учебник для желающих выжить" [2006]) и еще успел отдать дань великому городу – "Петербург как географический феномен" (2003). В общем, пишет он обо всем – и, надо думать, обо всем одинаково плохо и безвкусно. Приведем лишь два читательских крика души. Читательница, ознакомившаяся с тем, как А.М. Буровский рекомендует обращаться с девочками, восклицает: "Книга профессора А.М. Буровского написана так, что временами хочется завопить: ну нельзя же так!". А автор рецензии на книгу, посвященную Петербургу, пишет: «Большой ученый из Красноярска профессор Андрей Буровский снова на арене. После многообразных *"сибирских жутей"* и *"Россий, которых не было"*, мастер междисциплинарного и межпредметного исследования подобрался к Санкт-Петербургу... Читатель книжку открыл – и поперхнулся... Коктейль, впрочем, фирменный, "от Буровского": любознательный читатель найдет в книге и пассажи о евреях и роли этого народа в истории отечества, о мерзости москвитов, о том, что Московия – не Запад, а также об учености автора почти во всех на свете науках. Тут можно было бы еще поязвить, но рецензент – москвич, а, по Буровскому, что может быть доброго из Москвы? Тут живут люди, которые жаждут вколотить истину в сознание других. И это очень верно подмечено. Так и хочется отправить Андрея Михайловича за парту... Самый главный вопрос, однако, остается риторическим: как подобная книга вообще попала в план солидного издательства?... Есть в этом что-то невообразимо пошлое...» (*Дейниченко* 2003).

В девяностые годы А.М. Буровский – еще будучи всего лишь археологом/философом/"палеолитчиком"/антропологом – имел единомышленника и соратника в лице А.П. Назаретяна, издавшего, среди прочего, книгу "Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры" (1996, переиздано в 1997; М., изд-во МГУ). Это курс лекций, читавшихся на факультете психологии МГУ. На обороте титульного листа книги автор отрекомендован как профессор названного факультета, ученая степень не указана. В тексте же отмечено, что он много лет работал как психолог, лингвист и социолог, а также с юных лет увлеклся философией. Именно в этой области и была обретена, как я догадалась тогда и убедилась потом, докторская степень.

В глобальной эволюционной схеме автора, стремившегося выявить векторы прогрессивного развития человечества в ходе всемирной истории, ранним этапам социальной эволюции принадлежала весьма значительная роль – они были призваны демонстрировать тот низкий интеллектуальный и моральный уровень, на фоне которого разительны культурные и нравственные достижения последующих эпох.

Вот несколько ключевых обобщений:

Первое обобщение: неолитической революции предшествовали нормативный геноцид, людоедство и "рукотворная" экологическая катастрофа потерпевшего крах верхнего палеолита – т.е. неолитической революции предшествовал глобальный антропогенный кризис, из которого эта самая революция человечество и вывела (Назаретян 1996: 53–57).

Само понятие "неолитическая революция", однако, не анализировалось. Не было также речи ни о том, где и когда происходила эта "революция", ни о том, где и когда жили эти гипотетические людоеды – истребители мамонтов и себе подобных, – ни о том, какие пространства и какие периоды отделяли одно от других.

Куда-то на фоне этого неолитического революционного прорыва потерялась у А.П. Назаретяна целая эпоха в истории Европы – мезолит. Эпоха, сформировавшая культуру охотников и собирателей, которые имели огромные достижения в обработке камня и кости, а также в усовершенствовании охотничьего оснащения и транспортных средств (лук и стрелы, лодки, лыжи, сани и др.) и которые динамично расселялись по планете. Именно с ними, а не с верхнепалеолитическими охотниками сопоставляем мы теперь всех уцелевших до нашего времени и изучавшихся этнографически охотников и собирателей. Мезолитические охотники создали куда более прогрессивные охотничьи технологии, чем якобы загнавшие человечество в тупик верхнепалеолитические людоеды и истребители мамонтов. Мезолитическим бы людям, жившим как раз в начале голоцена (а верхний палеолит – это конец плейстоцена), и антропогенный кризис устроить (рукотворную экологическую катастрофу, обусловленную "небывалым технологическим потенциалом" [Там же: 53]), а они вместо этого успешно распространяли по планете свой способ жизнеобеспечения.

О сложнейших, запутаннейших и нерешенных – а может, и нерешаемых вовсе – проблемах археологии, "доистории", палеонтологии – истребили ли, скажем, крупную фауну в Евразии люди, или она сама вымерла вследствие резкой экологической ломки; происходило ли сокращение населения в Западной Европе в конце верхнего палеолита; был ли этот пресловутый "кризис верхнего палеолита"; вымирили ли тогда европейцы, уничтожали ли друг друга или просто рассредоточивались, осваивая новые пространства; где и когда росло и сокращалось население и какими археологическими методиками можно это надежно устанавливать и т.п., – обо всех этих проблемах А.П. Назаретян безапелляционно говорил как о чем-то ясном и несомненном. И кому говорил? Неискушенному, а еще и доверчивому слушателю – студенту.

В качестве одного из подтверждений каннибализма верхнепалеолитических охотников он приводил анекдотическое высказывание жителя Тробрианских островов (там существовало стратифицированное, "продвинутое", т.е. достаточно сложное, земледельческое общество, несопоставимое с верхнепалеолитическими обществами Европы), адекватность которого очень хотелось, но невозможно было проверить из-за отсутствия ссылки. А в подтверждение верхнепалеолитического геронтоцида А.П. Назаретян привел трагикомическую цитату из трактата Гельвеция (!) "Об уме", в которой повествовалось о том, как неизвестно какие "дикари" неизвестно где и неизвестно когда загоняли своих стариков на высокие деревья, а потом стрясаали их оттуда и безжалостно убивали, дабы они не отягощали больше жизни молодых и здоровых (Там же: 58–60).

В качестве же иллюстрации того, что верхнепалеолитические люди были "подлинным бичом" для животного мира, помимо упоминания о "знаменитом" скоплении костей мамонтов в Якутии (причастность людей к этому "мамонтоциду" подкрепляется единственной фразой: "Неподалеку обнаружили стоянку первобытного человека" [Там же: 54]; ни локализация стоянки, – Якутия-то большая, – ни датировка не присутствуют), отмечено только, что в Чехии, а также во Франции "известны места, где было убито от сотни до тысячи мамонтов, многие тысячи лошадей" (Там же). Что за места, как они датируются, в какие отрезки времени скапливались эти костные остатки? Ведь хронология верхнего палеолита сплошь и рядом дает разброс в тысячелетия. Может, там в год по мамонту убивали? Это не так много. Скорее мало.

А вот второе обобщение: интеллектуальный потенциал земледельцев и скотоводов значительно выше, чем интеллектуальный потенциал охотников и собирателей. Ум земледельца или

скотовода существенно превосходит ум охотника по информационному объему. "Способность связывать в причинный узел события, отстоящие друг от друга на месяцы и годы, а соответственно и прогнозировать результаты собственных действий и планировать их на такую перспективу обретается людьми на иной (чем стадия присваивающей экономики. – О.А.) стадии общественного, культурного и интеллектуального развития" (Там же: 56).

Вся аргументация сводится к следующему: свидетели (А.П. Назаретян писал "этнографы", но это очень сомнительно, скорее – миссионеры и фермеры) рассказывают, с каким недоумением охотники впервые наблюдают, как бросаются в землю зерна или выкармливаются животные, которые или которых можно сразу же съесть. "Хорошо известны и непреодолимые трудности при попытках убедить первобытные племена воздержаться от охоты на домашний скот: непосредственный ум аборигена не способен внять рассуждениям об отсроченной пользе ..." (Там же).

И это слова человека, многие годы, по его же свидетельству, работавшего в качестве психолога и преподающего на факультете психологии МГУ! А охотникам и собирателям очень несмышленными кажутся европейцы, которые, заблудившись в лесу или саванне, гибнут от голода и жажды, когда вот они еда и питье: приложи немного сообразительности и навыков – будешь в порядке. Хадза (небольшое сообщество охотников и собирателей в современной Танзании), писал Д. Вудберн, «находят "почти недоступным пониманию", как это человек может умереть с голоду или как он может оказаться неспособным удовлетворить свой голод в течение времени, большего, чем один-два дня» (*Woodburn 1968: 52*).

А меньше ли ума и навыков требуется, чтобы добыть растения или животных готовыми, чем чтобы вырастить их, – вопрос сложный и вряд ли решается похода. Земледелие – это постоянное и регулярное повторение одних и тех же трудовых процессов, а охота – это непременная ситуативная изобретательность, быстрая реакция ума и тела на непредвиденные обстоятельства, доскональное знание местности в обширных пределах, изучение повадок животных, возможных влияний направлений и перемен ветра, степени влажности воздуха, состояния почвы и растительности и много-многого другого. А чего стоит техника следопыта! "Я читаю землю, как другие газету или книгу... – рассказывал в своей автобиографии абориген из Северного Арнемленда Ф. Робертс. – На твердой почве, где следы не видны, движение животного можно проследить по примятой траве и сдвинутым камням... Следы, оставленные змеей, как будто не имеют ни начала, ни конца, а между тем их нетрудно отыскать: на каждом повороте песок сыпается в сторону хвоста пресмыкающегося... Следы жены, шести дочерей, братьев и других родственников я знаю не хуже, чем их лица... В селении, где я сейчас живу, мне удастся различать следы не меньше пятидесяти человек..." (автобиографический рассказ записан и опубликован Д. Локвудом; см.: *Локвуд 1971: 71–72*).

А "что такое меланезийская палка-копалка (основное орудие мотыжных земледельцев. – О.А.) по сравнению с оснащением аляскинского эскимоса, морского охотника?... Наиболее примитивные народы мира – помещаемые в самом низу на единой шкале культурной сложности – создают не имеющие аналогов технические шедевры. Разобранные на части и доставленные морем в Нью-Йорк или Лондон ловушки бушменов лежат теперь, собирая пыль в подвалах сотен музеев, не пригодные даже для экспонирования, потому что никто не может понять, как их собрать вновь..." (*Sahlins 1972; цит. по: Салинз 1999: 86–87*).

Следующее обобщение А.П. Назаретяна: "Мораль предполагает возможность личного выбора, о чем применительно к палеолиту, тем более к нижнему и среднему палеолиту, говорить, конечно, не приходится" (*Назаретян 1996: 43*).

Как не вспомнить знаменитые высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, в соответствии с которыми в советской философии и первобытноисторической науке было сформировано представление о "безличностном" периоде в истории человечества, продолжавшемся чуть ли не до эпохи классового образования; представление об отсутствии индивидуальности у человека первобытной культуры; о полной неотличимости первобытных людей друг от друга; о неспособности их действовать по собственному усмотрению и т. п. Разумеется, в летописи наших гуманитарных наук немало и других столь же абсурдных страниц. Но все же...

Следующее обобщение: "потрясающее безразличие" палеолитического человека "к индивидуальной человеческой жизни" (Там же: 59, 62).

И, наконец, еще одно: "Революция осевого времени" сформировала высшую инстанцию индивидуального самоконтроля: совесть – альтернативу безраздельно доминировавшей прежде "богобоязни"... "В ту эпоху авторитарное мифологическое мышление впервые стало вытесняться мышлением личностным..." (Там же: 65).

Где бы было теперь человечество, если бы эта высшая инстанция не развивалась параллельно с обществом и личностью? Без этой высшей инстанции не могли бы быть обеспечены ни основа социальной жизни в целом – взаимопомощь, ни главный принцип первобытного коллективизма (никем, кажется, не подвергаемый сомнению) в частности: голодает либо все сообщество, либо никто.

Какое такое единое "авторитарное мифологическое мышление"? Какая "богобоязнь"...? У альпийского мустьерца, франко-кантабрийского кроманьонца, средневекового баконго, у шона XVIII в., "дикого тунгуса" пушкинских времен, аборигена Австралии или бушмена Южной Африки начала нашего столетия? У кого? Когда? Как это выражается? Об этом, конечно, речи нет.

Зато исторический процесс обильно насыщен всевозможными "революциями": неолитическая, городская, осевая, промышленная, научно-техническая... Да еще какие-то абстрактные "революционные переломы" (Там же: 65). А ведь даже в Европе все это, кроме "научно-технической революции", свершалось тысячелетиями и веками. Может, это были философские "поэтапные скачки"?

На фоне смелых глобальных обобщений вызрели у А.П. Назаретяна и смелые гипотезы более частного свойства... Так, все в той же книге излагалась гипотеза, в соответствии с которой огонь первоначально был освоен отнюдь не для обогрева и приготовления пищи, а для выражения и отражения ПРИРОДНОЙ АГРЕССИИ (головешками и факелами кидались), и одежда с жилищем первоначально тоже служили "защите от ударов": "...возникновение очага, одежды, эволюция жилища не связаны прямо с изменениями климата... по-видимому, теплозащитная функция огня, одежды, искусственного жилища выдвинулась на первый план много позже, а исходными функциями были защита от хищников, от соседей... защита туловища и головы от ударов, охота, коммуникация... запугивание врагов в бою и привлечение половых партнеров" (Там же: 66). Все это было бы смешно, если бы только не преподавалось студентам и не отражало одну, к сожалению, общую тенденцию всех умозрительных реконструкций первобытности: люди в них как бы вырваны из контекста пространства. Сидят, скажем, в одном месте (где-то в Европе, конечно) и ждут изменений климата, а не расселяются на юг и на север, в тундры и тропические леса. Странные эти аборигены Австралии: защищаются от копий врагов с помощью щитов. Что бы им, как эскимосам, не надевать двухслойную меховую одежду. И иглу бы строить, а не какие-то ветровые заслоны из трех веток. А то ведь и совсем беззащитными под открытым небом спят! И шапок никогда не носят, голову не берегут. А ведь это у нас у всех самое уязвимое!

Но так ли далеко отсюда до "животного эгоизма", "зоологического индивидуализма" и его обуздания? Корнями же своими эти "идеи" уходят в эпоху, когда Томас Гоббс писал о первобытном "естественном состоянии" с "войной всех против всех", а может быть, даже "в ту эпоху, когда не писал никто" (ср. *Sahlins* 1972; *Салинс* 1999: 21).

Однако вернемся к А.П. Назаретяну и посмотрим, как разворачивалось его творчество дальше. После выхода в свет работы "Агрессия, мораль и кризисы" меня попросили написать на нее рецензию для публикации в уже упоминавшемся журнале "Общественные науки и современность". Ознакомившись с моей весьма обширной рецензией, добросовестно выполненной по заказу, в этом журнале (А.П. Назаретян сотрудничал там) предпочли ее не публиковать. В последующие годы А.П. Назаретян печатал в названном журнале статьи, повторявшие все те же идеи, но лишённые уже наиболее нелепых и неграмотных пассажей (*Назаретян* 1999, 2000). А в 2001 и 2004 гг. вышли из печати переиздания "Агрессии, морали и кризисов" под названием "Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование)". Книга размещена в Интернете (*Назаретян* 2004). Я с ней ознакомилась.

Это – учебное пособие, адресованное "студентам, аспирантам, преподавателям как гуманитарных, так и естественных специальностей". По сравнению с 1996–1997 гг., текст сильно переработан, но ключевые обобщения, касающиеся интересующей нас темы, остались прежними, устранены лишь наиболее сомнительные – как правило, из числа тех, что когда-то были отмечены мною – ссылки на "факты". В то же время добавилось немало новых нелепостей. Так, к примеру, настаивая на нормативном людоедстве как палеолитических, так и новейшего времени охотников и собирателей, А.П. Назаретян пишет: "В Австралии же, где традиции туземцев делают проблему гораздо более актуальной, только в 1959 г. правительство начало принимать систематические меры против каннибализма. Прежде этому противились правозащитники, считавшие недопустимым навязывать аборигенам жизненные нормы европейских переселенцев" (Там же: 13). Не часто встречала я что-либо более смешное! Указания на источник сей информации, конечно, отсутствуют, лишь несколько ниже читатель отсылается к работе Д. Даймонда (*Diamond 1999*) в связи с каннибализмом папуасов Новой Гвинеи. Но так ведь это же мотыжные земледельцы тропического пояса, постоянно испытывавшие белковое голодание (свиней-то они не любили забивать без крайней надобности).

Забавно было встретить на страницах новой книги А.П. Назаретяна "полуанонимную" полемику с автором этих строк (ее инкогнито свято блюдется, благо критика А.П. Назаретяна ею до сих пор не опубликована) то по поводу хитроумных ловушек африканских бушменов, то по поводу умственного потенциала австралийских следопытов. Завершая сюжет, посвященный трудам А.П. Назаретяна, отмечу, что и эта, и другие публикации содержат массу "информации" и рассуждений, выходящих за пределы моих профессиональных интересов, но относящихся к области множества других наук: от физики до психологии, от биологии до филологии. Есть основания полагать, что с ними автор обходится ровно так же, как с этнографией охотников/собирателей и археологией палеолита, но, впрочем, это не мое дело. Всего А.П. Назаретян опубликовал свыше 230 работ, среди них монографии последних лет: "Психология стихийного массового поведения" (2001, 2005) и "Антропология насилия и культура самоорганизации" (2007). Он читает (или недавно читал) следующие учебные курсы: "Политическая психология", "Психология стихийного массового поведения", "Антропология", "Универсальная история" (Российская академия государственной службы, Москва; Университет природы, общества и человека, Дубна; Белгородский государственный университет) и служит в должности профессора в Российской академии государственной службы при Президенте РФ (РАГС), а также работает на психологическом факультете МГУ и является главным научным сотрудником Института востоковедения РАН (согласно данным "Википедии").

Но вернемся к первобытности. Мрачность, убожество и жестокость первобытной жизни обступают нас и в описаниях других современных авторов. Но все это не ново. Теперь, правда, стало модно упирать на экологическое варварство, агрессивность и самоистребление, в то время как несколько десятилетий назад особенно сокрушались по поводу трудностей жизнеобеспечения и незащищенности в борьбе с природой. Раньше как-то больше жалели первобытного человека. Особенно ввиду того, что он был босой, голый или полуголый и вечно голодный. Почему-то четвероногие в окружении беспощадной природы не казались такими несчастными, как люди, высвободившие руки, вооружившиеся копьями и создавшие хитроумные приемы слаженного взаимодействия.

Вот что писал М. Салинз в 1972 г. о западных предрассудках 1950–1960-х годов: «Все без исключения учебники, безоговорочно принимая априорную установку, что жизнь в палеолите была чрезвычайно тяжелой, как будто соревнуются в стремлении создать у читателя ощущение неминуемой гибели и заставить его задаваться вопросом не только о том, как охотники умудрялись выживать, но и о том, было ли это вообще жизнью? Призрак голода охотится за охотником на страницах этих книг. Несовершенство его технических средств, как утверждается, вынуждало его трудиться не покладая рук, чтобы попросту выжить, не позволяя ему ни сделать передышку, ни накопить какой-нибудь запас и, следовательно, не оставляя "свободного времени" для "создания культуры"» (*Sahlins 1972; Салинз 1999: 19*).

Часто, правда, как у нас теперь, принимался и тон обвинения. После трудов Г. Чайлда все «сделались "неолитическими революционерами"; в своем энтузиазме преклонения перед Революцией не останавливались ни перед чем, чтобы разоблачить Древний (Каменного Века) Режим... И далеко не в первый раз философы стали относить раннюю стадию человеческой истории скорее к природе, чем к культуре. ("Человек, который проводит всю свою жизнь, преследуя животных только для того, чтобы их убивать и съедать, или же бродит от одного куста ягод к другому, в действительности живет как самое настоящее животное.")» (*Braidwood* 1957: 122; цит. по: *Sahlins* 1972; *Салинс* 1999: 23).

Возвращаясь на отечественную почву, отметим еще одно издание (уже второе, дополненное) – книжку Б.А. Диденко под интригующим названием "Цивилизация каннибалов. Человечество как оно есть" (М.: Помартур, 1999). Опираясь на "самую лучшую – из всех существующих – теорию происхождения человека", подаренную миру Б.Ф. Поршневым в книге "О начале человеческой истории" (1974), автор развивает "новую концепцию" (заметим, что Б.Ф. Поршнева был, конечно, крупным исследователем средневековой и новой истории Европы, но материалы по палеолиту и этнографии охотников и собирателей были ему недостаточно известны). Он уверяет нас, что "чем дальше в глубь веков и тысячелетий мысленно переноситься, тем более страшные повседневные взаимоотношения людей предстают перед глазами. Убийства, каннибализм, человеческие жертвоприношения" постоянно сопровождали "рядовые заботы дня" (*Диденко* 1999: 53). А все потому, что человечество (и древнее, и современное) – это не один биологический вид, а целых четыре, из которых два "хищные", два же "нехищные" (последние преобладают среди русских). "Нехищные" происходят от кроманьонцев, а "хищные" – от палеоантропов-адельфофагов. Именно им мы обязаны всем жестоким, бесчестным и безнравственным, что делается и делается на нашей планете. Они на протяжении всей истории занимались тем, что истребляли друг друга, потому-то сегодня их "в процентном отношении" меньше, чем в первобытные времена, и людоедство в современном мире уже не является "рядовой заботой дня". Но все равно безобразий хватает, ведь "хищные" все еще среди нас. Особенно много представительниц унаследованного от неандертальцев хищного вида среди женщин, которые к тому же отличаются от мужчин еще и "сравнительной простотой ума" и вообще "имеют в своем характере множество неприятных черт, свойственных также и педерастам" (Там же: 135). Проанализировав "женский вопрос" (цитата; Там же: 168), автор переходит к попыткам наметить решения глобальных социальных задач – в частности, задачи достижения справедливого мироустройства посредством полного избавления от "хищных". Но здесь у него еще не все доработано, так как он вроде бы не признает насилия, но не знает, как иначе можно освободить человечество от потомков адельфофагов. Будет думать и напишет еще одну книгу. А мы будем ждать².

Ну как тут не вспомнить рецензию А.Н. Максимова столетней давности! Была книга некоего М.А. Мошкова с комическим названием "Новая теория происхождения человека и его выхождения" (1907). "Настоящая книга, – писал Максимов, – ...если и интересна, то исключительно в качестве курьеза... Свою теорию автор рекомендует составленной по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики, но на самом деле каждая из этих семи наук в отдельности и все они в совокупности несколько не повинны в том употреблении, какое из них сделано... Новая теория, даваемая г-ном Мошковым, довольно проста. Современное человечество – гибридный вид и произошло из смешения делювиального человека, высокого белокурого долихоцефала, обладавшего гениальными способностями, с питекантропом, низкорослым, темноволосым брахикефалом, плохо одаренным в умственном отношении. На этой канве г-н Мошков развивает дальнейшие узоры. Делювиальные женщины, почему-то думает он, все вымерли, и в смешение вступали именно мужчины... Отсюда получилось, что женщины сохранили в себе гораздо больше черт питекантропа и потому являются низшими существами в сравнении с мужчинами, более близкими к долихоцефальному человеку... Покончив с женским вопросом, г-н Мошков столь же удачно решает и вопрос социальный..." (*Максимов* 1907). Поистине *nil novi... in patria nostra...*

Убогая первобытность и учебники по этнологии

Все бы это не заслуживало внимания, если бы я не выудила труд Б.А. Диденко из списка литературы, рекомендуемой студентам в подготовленных к *переизданию* "Лекциях по этнологии" калужских авторов А.П. Садохина и Т.Г. Грушевицкой. Они, между прочим, предназначали свое пособие для "студентов, аспирантов, преподавателей этнологии, специалистов в области культурологии, социологии, политологии, культурной и социальной антропологии" и претендовали на неслыханно массовый тираж в 2003 г. Для той части "Лекций...", которая касается антропогенеза и первобытной истории, наряду с вышеупомянутой книгой Поршнева, издание Б.А. Диденко послужило в ряде случаев источником "информации", иногда дословно переданной, но без кавычек и даже ссылок. Может быть, А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая потому не решились уж совсем открыто пропагандировать произведение Б.А. Диденко, что он (вместе с автором послесловия И. Дьяковым; озаглавлено: "Добро должно быть с огнем") не только балансировал на грани безумия и национал-патриотизма, но еще и был одержим мечтой о социалистическом устройстве нашего отечества при "честном *русском*" правительстве, учитывающем, правда, интересы "лояльных" "россиян-инородцев", а также проникнут присущей всем, извините, ущербным мужчинам ненавистью к женщинам, педерастам, евреям и интеллигентам – особенно "творческим", "этим поганым авторитетам, при помощи которых" власть "зомбирует нехищную массу, внушая ей комплексы неполноценности и идолопоклонства"? (Диденко 1999: 168, 172). О, как нам не хватает законодательно подкрепленной "политической корректности", а равно и юридического пресечения этнологического невежества! Ведь вот куда оно приводит от самых первобытных истоков.

Но вернемся к истокам. Упомянутые выше А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая сами тоже пополнили наш эвристический багаж. Они, в частности, внесли в него идеи "пратоппы" далеких наших предков (им, бедным, особенно тяжело всегда приходится), а также "разделения (дивергенции)", которую в результате возникновения "словесной речи" претерпели палеоантропы, распавшись на "два мира – пратопповый и толповый" (Садохин, Грушевицкая 2003а: 56, 59). А первая фаза возникновения "толпы", узнаем мы, "состоит в сборе в одном месте разных людей, привлеченных зовом, криком о помощи или какими-то другими причинами" (Там же: 56).

Рукопись "Лекций..." А.П. Садохина и Т.Г. Грушевицкой была получена на рецензию в феврале 2003 г. и абсолютно забракована мною, а также еще двумя коллегами-специалистами. Три рецензии отправились в издательство в сопровождении разъяснительного письма, подписанного директором Института этнологии и антропологии РАН, членом-корреспондентом РАН В.А. Тишковым. А в июне того же года рукопись была подписана к печати и вскоре выпущена в свет Издательским центром "Академия" под названием "Этнология" (Садохин, Грушевицкая 2003б) – с грифом Министерства образования РФ. Рецензентами выступили директор Института социологии РАН Л.М. Дробизева, декан факультета социологии СПбГУ Н.Г. Скворцов и заведующая кафедрой культурологии ИИПК МГУ Л.П. Воронкова. В опубликованном варианте исчезли ошибки, отмеченные первыми рецензентами, а также высмеянные ими сюжеты вроде смены "пратоппового мира толповым". Вообще "первобытность" – от греха подальше – сведена к минимуму. Исчез и Б.А. Диденко из списка рекомендованной литературы. Но ведь рецензенты не могли написать обо всем, что плохо. Поэтому текст вполне узнаваем и страдает множеством фатальных недостатков, среди которых упомянем хотя бы два: беззастенчивое – порой дословное, а порой и "перевирающее" – бессмысленное списывание у советских этнографов, публиковавших свои работы в 1980-х и даже в 1970-х годах, а также абсолютно недопустимые, с точки зрения и науки, и этики, "портреты этносов", сотворенные, конечно же, самими авторами (Там же: 218–229). Кроме того, не забудем, что имеется и первое издание лекций. А что написано пером... А в 2004 г. в издательстве "Инфра – М" вышло еще и третье издание.

Следуя избранному стилю, перечислю и некоторые иные публикации А.П. Садохина и Т.Г. Грушевицкой, сделанные в соавторстве и по отдельности. Это все учебные пособия и учебники: "Мировая художественная культура" (2001), "Этнология. Словарь" (2004 и 2006), "Теория и практика межкультурной коммуникации" (2004), "Культурология: теория и история культуры" (2005), "Концепции современного естествознания" (2006), "Этнополитология" (2005, в соав-

торстве с Е.П. Шабаетым). Но довольно. Стоит лишь отметить, что тиражи этих и им подобных изданий нам, профессиональным этнологам с академическими и педагогическими учеными званиями, редко публикующим свои книги более чем в 500 экземпляров, кажутся неправдоподобными. Так, тираж "Этнологии" (2003) – 20 тыс. экземпляров. Книги красуются на полках магазинов, ведь предложение превышает спрос в десятки раз.

Первобытное "человеческое стадо" в учебниках по социальной антропологии

В начале 1990-х годов на российскую этнологию в целом (а также на историю первобытного общества и этнологию охотников/собираателей в частности) свалилась еще одна напасть – учебники по социальной (и/или культурной) антропологии.

В силу известных обстоятельств в те годы множество людей, которые в советское время изучали и преподавали научный коммунизм, исторический материализм, политическую экономию социализма и историю КПСС, оказались не у дел. Им потребовалось новое поприще на нивах науки и образования. Вскоре самые активные и "влиятельные" из них нашли, как им казалось, некую свободную нишу: социальную (культурную) антропологию. Возможно, кто-то из этих предприимчивых людей не знал, а кто-то делал вид, будто не знает, что в нашей стране предмет изучения, научные методы и общее информационное поле той науки, которая в Великобритании называется социальной антропологией, а в США – культурной антропологией (или, в некоторых центрах, тоже социальной антропологией), всегда соответствовали предмету, методам и информационному полю *этнографии (этнолозии)*. Как бы то ни было, социальная (культурная, социокультурная, и даже "культуральная") антропология подавалась самопровозглашенными специалистами как полное новшество. Так, во время одного из их массовых и пышных "конгрессов" некая эрудированная дама говорила с трибуны: "мы присутствуем при рождении новой науки, и роды проходят в муках..." (записано в октябре 1997 г.).

Вот и "уродили уroda на наши головы", как говорили некогда крестьяне пензенской губернии. Дисциплина – якобы новая – была внедрена в вузовские программы (создавались кафедры и факультеты в разных университетах) и бесконтрольно, бессистемно наполнялась произвольно избираемым и некачественно реализуемым содержанием, чему особенно способствовал непрофессионально подготовленный, действующий поныне вузовский Госстандарт по социальной антропологии, а также всевозможные учебники и учебные пособия, посыпавшиеся как из рога изобилия, писавшиеся и издававшиеся в неправдоподобно краткие сроки. Назовем лишь некоторые из их числа: Ю.Н. Емельянов. Введение в культурную антропологию. Уч. пособие. СПб., 1992; Ю.Н. Емельянов. Основы культуральной антропологии СПб., 1994 (уч. пособие); Культуральная антропология. Уч. пособие. Под ред. Ю.Н. Емельянова, Н.Г. Скворцова. СПб., 1996; Ф.И. Минюшев. Социальная антропология (курс лекций). М., 1997; В.В. Шаронов. Основы социальной антропологии. Уч. пособие. М., 2000; Э. А. Орлова. Культурная (социальная) антропология. Уч. пособие для вузов. М., 2004; А. Ю. Ашкерев. Социальная антропология. Уч. пособие. М., 2005; А.И. Кравченко. Социальная антропология. Уч. пособие для вузов. М., 2005; В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. Социальная антропология. Учебник. М., 2005.

Примеры тиражей: учебники А.И. Кравченко и В.И. Добренькова / А.И. Кравченко соответственно – 3000 и 2500 экземпляров. Иными словами, уже сегодня в нашей стране учебников по социальной антропологии несравненно больше, чем имеется в настоящее время – и, очевидно, когда-либо будет – студентов, не только обучающихся по этой специальности, но и изучающих ее как общеобразовательную дисциплину.

Отметим, что никто из авторов перечисленных учебников и учебных пособий не получил специального – а в нашей стране оно могло быть только *этнографическим* – образования. Некоторые из перечисленных публикаций сами по себе написаны, быть может, вполне грамотно – например, учебники Э.А. Орловой и Ф.И. Минюшева, – но содержание этих книг не имеет ничего общего с социальной антропологией в международном ее понимании. Другие же, как, например, издания А.И. Кравченко и В.И. Добренькова, обнаруживают явное стремление авторов приблизиться к такому пониманию. Но они-то как раз и производят самое удручающее впечат-

ление, так как изобилуют фактическими ошибками, данными, почерпнутыми из несолидных Интернет-источников и к тому же весьма небрежно пересказанными. В отдельных частях некоторые сегодняшние учебники по социальной (культурной) антропологии дословно и без ссылок воспроизводят фрагменты знаменитых этнографических учебников С.А. Токарева, издававшихся в 1950–1970-х годах, а также статей из "Свода этнографических понятий и терминов" (1986–1988), в отдельных же – представляют собственные измышления авторов или незакавыченное цитирование из аналогичных непрофессиональных творений последних лет.

Во многих случаях авторы учебников и учебных пособий по социальной (культурной, "культуральной") антропологии считают своим долгом обращаться к истокам – к антропо- и социогенезу, к так называемым первобытным и традиционным обществам. В этих разделах порой почему-то одним из главных авторитетов выступает Б.Ф. Поршнев, хотя черпаются идеи и примеры также у Ю.И. Семенова (часто без всяких указаний на него: вообще наблюдается своего рода регулярность – чем профессиональней источник информации, тем менее вероятно, что на него открыто сошлется), у А.П. Назаретяна³, А.М. Буровского, у А.П. Садохина с Т.Г. Грушевицкой и друг у друга.

Из учебника в учебник кочуют "стада" первобытных людей или даже "предлюдей", "пралюдей" – словом, каких-то нелюдей, – а также "праобщества" и "праобщины". Терминология и концептуальный аппарат неопровержимо свидетельствуют о весьма смутных представлениях относительно существа палеоантропологических, социобиологических, этологических и археологических открытий последних десятилетий, хотя порой и даются ссылки на некоторых солидных авторов (вперемежку с цитатами и крупными выдержками из публикаций весьма сомнительного свойства, вроде творений О. Алиева "Война до начала времен" и материалов его же Интернет-сайта "Неизвестная планета", посвященных современным папуасам Новой Гвинеи или скотоводческим африканским культурам). Из учебника в учебник переходят красочные картины борьбы предлюдей и первых людей, объединенных в "человеческое стадо", "со своей зоологической природой, выжигание ее каленым железом и окончательная победа разума над инстинктами" (Кравченко 2005: 392).

Добравшись до кроманьонцев, верхнепалеолитических людей, авторы таких учебников пытаются воссоздать их социальные структуры и даже религию, черпая примеры из этнографии коренных австралийцев, африканских пигмеев, индейцев, папуасов и пр. Приготовленный из подобных ингредиентов абсолютно несъедобный "салат" локализуется где-нибудь в приледниковой Европе или, чаще, повисает вне пространства и времени в качестве некоего абстрактного "первобытного общества вообще". Все это сопровождается множеством нелепостей, путаницей и просто курьезами, которые неизбежны, когда пишут о том, чего не знают и не понимают.

Чтобы не быть голословной, приведу несколько впечатляющих выдержек из упоминавшегося и уже цитированного выше учебника А.И. Кравченко (Кравченко 2005).

На с. 393, рассказывая студентам о том, как зарождалась "первомораль", автор утверждает: "Первой формой явилось табу на промискуитет, второй – табу на пищу". А несколько ниже раскрывается внутреннее содержание последнего: "Оно сводилось к запрету поедать все, что только можно и в любое время" (с. 395). На той же странице читаем, что "Первые запреты ограничивали половые отношения в период охоты, сева, сбора урожая и других видов трудовой деятельности". Чем же стада формирующихся людей засеивали свои поля и наполняли житницы? Об этом история в лице А.И. Кравченко умалчивает. Но зато, познакомив нас со значением алгонкинского слова "тотем", свидетельствует, что "зарождение тотемизма и магии – самые значимые явления неандертальской фазы с точки зрения состояния духа очередного этапа структурирования семантического пространства"⁵ (с. 397–398, это обобщение заботливо проиллюстрировано изображением реконструированной М.М. Герасимовым головы неандертальца анфас и в профиль, наподобие тюремных снимков). А через две страницы мы узнаем, что "одним из наиболее известных следов тотема является восточный (китайский) календарь, в котором каждый год ассоциируется с каким-либо животным..." (с. 400).

В следующем разделе, посвященном общественному разделению труда в первобытном человеческом стаде, студентам сообщается, что "с момента первого разделения общественного тру-

да сложилась пищевая специализация людей: женщины преимущественно вегетарианцы, а мужчины – мясоеды" (с. 401). В том же разделе отродно всякому будет прочесть, что в человеческом стаде "мужчина, в отличие от самца, перестал воспринимать женщину как машину для воспроизводства потомства и передачи его генов следующим поколениям. Она стала его социальным партнером..." (с. 402).

Покончив с первобытным стадом и перейдя непосредственно от него к "современникам первобытных людей" и "историческим оригиналам" – так именуются пигмеи эфе, австралийские пинтуби, пуштуны Афганистана, папуасы Новой Гвинеи, даяки Калимантана и другие "традиционные общества", – А.И. Кравченко предлагает юношам и девушкам, обучающимся по специальности "социальная антропология", нижеследующую головоломку: "На травянистых равнинах Аргентины, южной Бразилии, Уругвая и Парагвая также обитают древние охотники-собиратели. Всех их делают на две группы: коренные народы; народы, ведущие племенной образ жизни. В мире существует около пяти тысяч таких групп общей численностью около 300 млн. чел." (с. 446). Но, перевернув страницу, узнаем: "По имеющимся оценкам, ныне лишь 50 тыс. обитателей нашей планеты живут охотой и собирательством" (с. 447).

Закрадывается подозрение, что сам А.И. Кравченко никогда не читал то, что написал. И правильно, читать все это – удел будущих специалистов, социальных антропологов. Вряд ли также стоит отмечать, что ни одна из приведенных цифр не имеет ничего общего с реальной демографией охотников и собирателей.

Невозможно было не удивиться следующему сообщению о жителях Калимантана: "Даяки добывают себе пищу сами" (с. 463). На приведенной странице даяки представлены как "племена" охотников и собирателей, "строго придерживающиеся первобытнообщинных отношений". На самом же деле "даяки" – собирательное название многих народов, почти все они – земледельцы, причем некоторые – плужные. Но хотя бы на с. 463 они локализованы, где надлежит, т.е. на Калимантане. На следующей же странице мы находим их уже в другом месте: "охотники за головами (даяки), живущие на Новой Гвинее..." (с. 464).

Вслед за этим мы узнаем, что несколько лет назад экспедиция российских путешественников "под руководством Анатолия Хижняка обнаружила в джунглях труднодоступных районов Амазонки на границе Венесуэлы и Бразилии племя индейцев, называющих себя яномани" (Там же). Так что напрасно сотни антропологов давно уже зачитывались нашумевшей в свое время книгой Наполеона Шаньона о яростных яномами. Он тут не причем. И израильская исследовательница Нурит Бёрд-Дэвид зря утверждает, что она десятилетиями изучала жизнь наяка (*чолла найкен*) в Южной Индии и опубликовала десятки работ о них. Ведь А.И. Кравченко доподлинно известно, что племя "чолонайкенов" "не упоминается ни в одном труде ученых – антропологов, изучавших племена Южной Индии... лишь недавно двое молодых индийских ученых посетили эти места..." (с. 462). А на с. 441–442 А.И. Кравченко выдает за чистую монету знаменитую фальшивку, разоблаченную более двадцати лет назад, – филиппинских тасадаи, якобы пещерное племя. Это были обнищавшие земледельцы, которых один авантюрист специально нанял работать пещерными людьми, обрядил соответственно, показал, как охотиться, собирать, петь и танцевать "по-первобытному". Поначалу антропологи не могли выявить фальсификацию, потому что правительство диктатора Маркоса почти никого не пускало к тасадаи. После падения режима Маркоса исследователи быстро разоблачили обман. О нем много писали в специальной литературе (обзор см.: *Berremen* 1998). Но, конечно же, А.И. Кравченко этих публикаций не читал, он пользуется другими источниками, да "и сам обманываться рад".

На таком фоне фраза "антрополог Надин Пикок, изучавший пигмеев Эфе, в заирском лесу Итуру, нашел, что они, как и тысячи лет тому назад живут небольшими подвижными группами, занимающимися собирательством" (с. 445) выглядит сущим пустяком, не заслуживающим упоминания. Ну и что же, что Надин Пикок – женщина, а не мужчина; "Итури", а не "Итуру"; и река, а не лес, да и не заирская, так как Заир стал Демократической Республикой Конго, а "эфе", как все этнические названия, пишется по-русски с маленькой буквы? Ну и что же, что у этих пигмеев до Пикок побывали многие другие антропологи?

И все же не могу удержаться от еще двух примеров. На с. 464 студентам сообщается, что "на юго-западе Китая еще сохранился уголок, где действует матриархат. Племя мусуо. В большинстве китайских семей считается, что лучше иметь собаку, чем дочь, и к женщинам относятся в лучшем случае как к людям второго сорта. В племени мусуо все наоборот. Там всем заправляют женщины. Но самый притягательный момент в жизни мусуо то, что женщины мусуо сами выбирают сексуальных партнеров и сами решают, сколько продлятся отношения" (имеется ссылка на Интернет-публикацию А. Бондарева "Племя красных фонарей"). Отметим не без ехидства, что притягательные моменты есть не только в жизни *мосо* (так их называют этнографы, это одно из подразделений *наси*), не только у них женщины сами выбирают себе сексуальных партнеров и сами их оставляют, когда захотят. И причем тут красные фонари? К тому же их якобы матриархат на поверку оказывается всего лишь матрилинейностью линиджей (*Knödel* 1998: 50).

Кстати о линиджах. Вот что пишет об этом институте А.И. Кравченко: "Особую роль в социальном генезисе общества сыграла семейно-родственная система, получившая в этнографии и антропологии название линиджа. Линидж – система чьих-то родственников, начиная с самых первых колен" (*Кравченко* 2005: 478). Вот теперь, действительно, хватит цитировать.

Добавлю только еще одну подробность. А.И. Кравченко пользуется своеобразным приемом, который он называет "адаптированием". Сведения, почерпнутые из какого-то иностранного источника, излагаются упрощенным – я бы сказала, упрощенным до предела – языком. Разумеется, с искажениями. Порой "адаптируются" они не по первоисточнику, а по тексту какого-нибудь посредника. Так, об австралийских пинтуби рассказано не по книге Фреда Майерса "Страна пинтуби, Я пинтуби" (1986), а по учебнику социологии Гесса, Марксона и Штейна, а имя американского этнографа, изучавшего этих людей в поле, перевернуто: *Mayerc* вместо *Myers* (*Кравченко* 2005: 443).

В заключение раздела отмечу, что и в соавторстве с В.И. Добренковым в том же 2005 г. А.И. Кравченко опубликовал преимущественно тот же текст, с теми же ошибками и несуразностями. Правда, немало и добавлено – прибавились, следовательно, и ошибки. Особенностью последнего учебника мне показалось именно "адаптированное" изложение, а также, отчасти, незакавыченное цитирование моих сочинений. Это даже приятно, гордятся же некоторые барды, что их песни становятся народными. Но жаль только, что единственная ссылка на мою работу фантастична⁴. И уж совсем оригинальной чертой обоих учебников представляются обширные разделы, посвященные муравьям, пчелам и другим общественным насекомым. С этого начинается глава "Социогенез: развитие доисторического общества" (*Кравченко* 2005: 287–345; см. также: *Добренков, Кравченко* 2005: 383–425). Без этого авторы не могли бы убедительно представить студенту "общееволюционную закономерность, выстроенную средствами строгой научной теории" (*Кравченко* 2005: 343).

Учебник В.И. Добренкова и А.И. Кравченко (они – профессора факультета социологии МГУ, В.И. Добренков – декан этого факультета) издан в серии "Классический университетский учебник"; текст предваряется обращением к читателю: "Уважаемый читатель! Вы открыли одну из замечательных книг, изданных в серии... посвященной 250-летию Московского университета... Московский университет всегда славился своими профессорами и преподавателями...", ну и т.д. Подписано ректором МГУ и академиком РАН В.А. Садовничим. Подпись воспроизведена факсимильно. Так, что, очевидно, ректор МГУ книги этой в глаза не видал. Его просто, как говорится, "подставили".

Понятно, кто виноват, но что же делать?

Смешно и бесполезно твердить банальности о сапожниках и пирожниках. Глупо сетовать на отсутствие государственных механизмов, препятствующих выходу в свет недоброкачественной, сеющей невежество учебной литературы, а также на полную профанацию института профессиональной экспертизы и официального рецензирования. Умолчим также о том, у кого именно не

сформировалась "высшая инстанция индивидуального самоконтроля: совесть". Явно, что не у первобытных и современных охотников с собирательницами.

Но караван должен идти.

Когда в 1990-х годах нарождалась "новая социальная антропология", профессионалы-этнологи сначала проигнорировали этот процесс, а потом поняли, что единственный способ противостоять натиску самозванных коллег – организовать свои собственные образовательные и научные структуры, в которых социальная антропология была бы сама собой и соответствовала бы мировым стандартам. Одной из таких структур является созданный в 2000 г. Учебно-научный центр социальной антропологии при Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). Там преподают преимущественно выпускники кафедры этнографии (сегодня – кафедре этнологии) МГУ, работающие одновременно в академических научно-исследовательских институтах, большинство – в Институте этнологии и антропологии РАН. В 2004 г. центр стал интегрированной учебно-научной организацией этого института и РГГУ. Очевидно, что нашествию учебников по "новой социальной антропологии" требуется противопоставить учебники, представляющие эту науку в должном виде. А писать такие учебники следует прежде всего сотрудникам названного центра и института. Но задача это весьма сложная. А тем, кто осознает всю сложность задачи, никогда не угнаться за теми, кто ее не осознает. Кроме того, не совсем ясно, что за учебники нам следует писать в двадцать первом столетии и какими они должны быть.

Доступность предмета, материалов для исследования и методических приемов социальной антропологии – кажущаяся. Мы, этнологи (социальные антропологи), говорим почти обыденным языком (наш профессиональный "жаргон" весьма необширен), т.е. языком, понятным всякому грамотному человеку. По крайней мере, таким общедоступным языком мы можем сказать все, что хотим, если захотим. Поэтому иногда думают, что наши поля легко возделывать, отсюда – известный соблазн, таящий ловушки, в которые многие попадались. На самом деле предмет науки необъятен, а ясно донести его специфику до неподготовленного читателя – молодого человека – крайне сложно. Простота, как известно, дается тяжким трудом. Но главная сложность обусловлена необъятностью предмета и чрезвычайной дифференциацией его проблемных и информационных полей.

Все усиливающееся в последние десятилетия сужение специализаций внутри социальной антропологии и одновременное увеличение информационных потоков, питающих каждую из них, привели, как мне представляется, к тому, что все это невозможно стало собрать под одной обложкой, пусть даже в самом что ни на есть толстом учебнике и в самом что ни на есть обобщенном виде. Даже и большой коллектив авторов с этим не справится. К тому же опыт показывает, что учебники лучше удаются одному или двум-трем авторам, нежели многочисленным коллективам. Возьмем, к примеру, хотя бы американский опыт. Все ставшие уже классическими учебники по культурной антропологии написаны, как правило, одним автором (М. Харрис, Р. Скупин, У. Хэвилэнд и др.); реже – двумя авторами, долгое время сотрудничавшими в исследовательской работе (например, Э. Эмбер и К. Эмбер). К тому же, как создатель у меня впечатление, в последнее десятилетие американские коллеги уже не пишут новых учебников, они лишь переиздают старые (разумеется, обновляя и дополняя их), что чрезвычайно выгодно, так как в США ежегодно слушают антропологию тысячи студентов.

Впрочем, нередко западные преподаватели вообще не рекомендуют своим студентам пользоваться учебниками. Так, видный австралийский ученый Н. Петерсон, многие годы читавший вводный курс по социальной антропологии в Австралийском национальном университете (Канберра), говорил мне, что практически отказался от них, хотя полный набор лучших и новых изданий американских учебников, разумеется, наличествует в библиотеке университета. Он рекомендовал в качестве предварительного чтения лишь сравнительно небольшую изданную в Англии книгу Т. Эриксена "Маленькие поселения и большие проблемы. Введение в социальную и культурную антропологию" (2001), но главный упор делал на самостоятельное чтение научной литературы, предлагая студентам весьма обширные списки.

Складывается впечатление, что это – путь, избранный многими коллегами в Великобритании. Они издают лишь весьма тонкие вводные учебные пособия, где содержатся самые элементарные сведения и самые необходимые термины. Основное преподавание строится на лекционных курсах и "неадаптированном чтении". Этот путь кажется плодотворным.

В Институте этнологии и антропологии РАН и в Центре социальной антропологии РГГУ уже переведен с английского языка на русский один очень краткий вводный курс и переводится другой, несколько более пространный (*Monghan, Just 2001; Barnard 2006*). Их издание облегчит жизнь нашим студентам на некоторое время, а затем кто-то из нас напишет, я надеюсь, аналогичный российский вводный курс. Аналог американским начальным учебникам можно видеть в "Культурной антропологии", изданной С.А. Арутюновым и С.И. Рыжаковой в 2005 г.

Но основные надежды я бы возлагала не на вводные курсы, а на солидные учебные пособия по отдельным направлениям социальной антропологии для реально читающихся спецкурсов. Собственно, это уже и происходит. Примером могут быть учебные издания по политической антропологии (*Крадин 2004; Тишков 2006*).

Что же касается основного предмета предлагаемой статьи, который я бы назвала, пользуясь современным языком, не "историей первобытного общества", а "проблемами ранних этапов эволюции человека и общества", то и он, мне кажется, никак не может быть собран под одной крышей. Подходы и преимущественные интересы, методы исследования и "реконструктивные" возможности палеоантропологии, археологии и этнографии столь различны, что синтез нереален пока, и не исключено, что нереален вообще. А самое главное, что должны получить наши студенты, – это адекватное представление о реальном состоянии научных знаний, а не набор увлекательных и не очень увлекательных "гипотез".

У нас уже имеется некоторое количество солидных учебных изданий, в которых есть разделы, освещающие проблемы физической эволюции человека и археологии палеолита и мезолита – вузовские учебники по биологической антропологии и археологии (например, вводные курсы, издававшиеся преподавателями МГУ). В Центре социальной антропологии РГГУ читаются два спецкурса, представляющие собой в значительной мере новые композиционные явления: "Эволюция человека" (М.Л. Бутовская, А.М. Маурер) и "История дописьменного периода". Их издание в качестве учебных пособий было бы чрезвычайно полезно, хотя отчасти оно предвосхищено книгами петербургского ученого Л.Б. Вишняцкого "Введение в преисторию. Курс лекций" (2002) и "Человек в лабиринте эволюции" (2004). Последняя книга – популярная, но весьма содержательная и интересно написанная.

Курс "дописьменной истории" был задуман автором этих строк и читался сначала Р.И. Кучерой, а затем А.А. Казанковым так, чтобы, в отличие от большинства археологических учебников, изложение не ограничивалось преимущественно Евразией, а сжато представляло сумму археологических данных по "доистории" всей ойкумены; и, что особенно важно, не содержало никаких спекулятивных социологических интерпретаций археологических материалов, а содержало лишь то, что доподлинно установлено. Благо, археология обеспечивает условия для этого. С этнографией дело обстоит гораздо хуже.

Когда создавался Центр социальной антропологии в РГГУ, был запланирован спецкурс "Эволюция социальных институтов", который, по сложившейся еще в советское время традиции, должен был опираться на этнографические материалы по охотникам, собирателям и мотыжным земледельцам нашего времени или сравнительно недавнего прошлого. Приступив к реализации этого замысла, я в очередной раз убедилась, что этнографические материалы не позволяют выстроить сколько-нибудь надежную эволюционную схему и в целом дают весьма ограниченные возможности для теоретических проекций в далекое прошлое. Ведь, в отличие от того, что пишут авторы многих учебников, традиционные общества аборигенов Австралии, бушменов и пигмеев Африки, папуасов Новой Гвинеи и др., отнюдь не являются "живыми осколками каменного века" и отнюдь "не остались в первобытности". Согласно современным концептуальным подходам, которые полностью разделяются и автором этих строк, этнографически изучавшиеся охотники, собиратели и мотыжные земледельцы эволюционировали, развивались своими собственными путями – путями, альтернативными дорогам, пройденным теми

обществами, которые создавали так называемые цивилизации. И именно тот факт, что такие общества вплоть до недавнего времени сохраняли присваивающее хозяйство или мотыжное земледелие, заставляет думать об их кардинальном отличии от древних – скажем, мезолитических или раннеолитических европейских обществ. Было что-то очень важное в уцелевших чуть ли не до нашего времени культурах охотников, собирателей и мотыжных земледельцев, что удерживало от технологического прогресса, ведущего к цивилизации. И наоборот, что-то кардинально иначе было устроено в тех обществах, которые многие тысячелетия назад двинулись по пути технологического прогресса. Эти последние были другими, чем те, в ком привычно видят "аналоги первобытности".

Поэтому материалы по этнографически изучавшимся охотникам и собирателям могут использоваться лишь в отдельных, очень осторожных предположительных выводах. Так, можно думать, что древние первобытные общества, так же как и современные общества охотников и собирателей, весьма сильно отличались друг от друга. Скорее всего, они были значительно более разнообразны, чем общества с присваивающим хозяйством, изучавшиеся этнографически, хотя бы потому, что занимали гораздо более разнообразные экологические ниши на более обширных пространствах и число их было несравненно большим. Потому нельзя говорить о "первобытном обществе" вообще, о "первобытности" вообще.

Конечно, способ жизнеобеспечения обуславливает некоторые типологические черты социальной жизни и даже, возможно, духовной культуры. Но их немного и они поддаются лишь самому обобщенному формулированию. Так, мы с большой долей вероятности можем полагать, что древние охотники и собиратели, как и современные или недавние, следовали нормам генерализованной реципрокации, сознательно сдерживали демографический рост и, в силу самой специфики присваивающей экономики, не наносили непоправимого ущерба среде своего обитания. Не было, как побуждают думать сегодняшние охотники с собирателями, ни "экологического варварства", ни каннибализма, ни вооруженных территориальных конфликтов. Не было жертвоприношений людей или даже животных, а также ритуальных убийств. Не знали известные этнографии присваивающие общества (за исключением разве что некоторых групп индейцев), что такое пытки и издевательств себе подобных и т.п. Не были известны у большинства из них и суицидные практики. Все это человек изобрел или развил, очевидно, уже при производящем хозяйстве.

Состав резидентных групп древних охотников должен был быть в большей или меньшей мере текучим, изменчивым, а взаимопомощь, коллективизм, регуляция землепользования, воспроизводство людей, обмен духовными ценностями и многое другое должно было осуществляться в пределах весьма широких сетей социальных связей. Отсюда необходимость в нормативных системах относительно мирного сосуществования на весьма обширных пространствах. В условиях мобильного образа жизни охотников и собирателей именно такие модели взаимодействия высоко адаптивны. Родство, вероятнее всего, было универсальной организационной парадигмой, с помощью которой люди осознавали и упорядочивали все свои связи, а также и отношение к земле с ее ресурсами. Однако конкретные формы социоцентрических и эгоцентрических структур должны были быть значительно более многообразны, чем те, что зафиксированы у современных охотников и собирателей. О том, что это были за структуры, нам трудно даже догадываться. Мы только можем полагать, что концепция рода как универсального типологического явления для древних охотников и собирателей столь же не удовлетворительна, как и для современных. Нет также никаких оснований приписывать древним охотникам и собирателям такую форму социальной жизни, как "первобытное равенство", в качестве социологической универсалии. Низкий технологический уровень экономических систем присваивающего хозяйства не исключал условий для развития специфических форм социального неравенства.

Такие и некоторые иные предположительные выводы автор этих строк попыталась аргументировать в вышедшей в 2004 г. книге «Охотники/собиратели и теория "первобытности"». Она предлагается студентам вместо учебного пособия. Возможно, со временем кто-то другой напишет подобную же книгу и о ранних земледельцах. Но со временем.

Когда мне или моим коллегам приходится слышать упреки в медлительности, я вспоминаю опыт того, кого до сих пор, кажется, не перестали считать советским этнографом № 1 –

С.А. Токарева. Между началом его преподавательской деятельности на кафедре этнографии МГУ и выходом в свет его учебника "Этнография народов СССР" (1958) прошло более десятка лет. Учебные пособия по истории отечественной и зарубежной этнографии вышли еще через десятки лет (1964 и 1978). Зато получились книги, которыми и сегодня можно пользоваться – в значительной части. Для написания хорошего учебника даже самым лучшим исследователям нужны многие годы предварительной работы, чтения курсов, проверки и перепроверки избранных методик преподавания и способов организации материала.

А кроме того, отсутствие учебников, я повторяюсь, не самая большая беда. Социальную антропологию, как и жизнь вообще, лучше учить не по учебникам, а по хорошим книгам и по личным наблюдениям.

И последнее. Складывается впечатление, что волна непрофессиональных учебных пособий по социальной антропологии схлынула. Поисковые системы Интернета не выдали ни одного такого учебника, вышедшего в 2006 или 2007 г. Интересуясь судьбой социальной антропологии в условиях грядущего перехода на двухуровневую систему высшего образования, мы – некоторые сотрудники Института этнологии и антропологии РАН во главе с его директором В.А. Тишковым – убедились, что "новые социальные антропологи" этим уже не интересуются. Скорее всего, они использовали социальную антропологию в условиях нестабильности личного свойства, сумели с ее помощью продержаться в "смутное время" или даже заработать неплохие деньги, а потом нашли какие-то иные ниши, и теперь она им стала не нужна. А нам – специалистам, студентам, абитуриентам, жителям многонациональной России в целом – она нужна. И мы постараемся о ней позаботиться.

Примечания

Выражаю признательность В.Р. Кабо, В.А. Попову, Т.Б. Уваровой и В.Н. Шинкареву за ценные советы, которые помогли закончить эту работу.

¹ Некоторое, хотя далеко не полное, представление о количестве публикаций по охотникам и собирателям могут дать библиографии в следующих изданиях: *Hiatt* 1996; *Cambridge Encyclopedia* 1998; *Hunter-gatherers* 2004; *Barnard* 2007. С 2002 г. в Лондоне издается специальный ежеквартальный журнал, посвященный охотникам и собирателям: "Before Farming".

² Было написано в 2003 г., потом у автора этих строк нашлись другие дела, не позволявшие детально следить за творчеством Б.А. Диденко, но все же отметим, что имеются и другие его труды на Интернет-сайтах и в печати: "Сумма антропологии (кардинальная типология людей)", "Этическая антропология", "Хищная власть", "Хищное творчество", "Хищная любовь". Из "Сети" можно скачивать бесплатно.

³ Забавно, что В.И. Добреньков и А.И. Кравченко, обильно цитируя этого автора, называют его "Низиретян" (*Добреньков, Кравченко* 2005: 651).

⁴ В работе о детстве у аборигенов Австралии я не писала, что у них умирало около половины младенцев в возрасте до одного года. Меня с кем-то спутали (ср.: *Добреньков, Кравченко* 2005: 307 и *Артемова* 1992: 20-32, 43).

⁵ Ну как тут не вспомнить чеховскую "Свадьбу": "Они хотят ученость свою показать и все время говорят о непонятном".

Литература

Артемова 1992 – *Артемова О.Ю.* Дети в обществе аборигенов Австралии // *Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии.* М., 1992.

Буровский 1998 – *Буровский А.М.* Идиллический палеолит? // *Общественные науки и современность.* 1998. № 1. С. 163–174.

Дейниченко 2003 – *Дейниченко П.* Питерская жуть по-сибирски // www.knigoboz.ru/news/news1039.html.

Диденко 1999 – *Диденко Б.А.* Цивилизация канибалов. Человечество как оно есть. М., 1999.

- Добреньков, Кравченко* 2005 – *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социальная антропология. Учебник. М., 2005.
- Кабо* 1981 – *Кабо В.Р.* Первобытное общество и природа // Общество и природа. М., 1981.
- Кабо* 1984 – *Кабо В.Р.* У истоков неолитического природопользования // Земля людей. Вып. 6. М., 1984.
- Кравченко* 2005 – *Кравченко А.И.* Социальная антропология. Учебное пособие для вузов. М., 2005.
- Крадин* 2004 – *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2004.
- Локвуд* 1971 – *Локвуд Д. Я* – абориген. М., 1971.
- Максимов* 1907 – *Максимов А.Н.* Рец. на: М.А. Мошков. Новая теория происхождения делювиального человека и его вырождения // Этнографическое обозрение. 1907. № 3. С. 106–107.
- Назаретян* 1996 – *Назаретян А.П.* Мораль, агрессия и исторический прогресс. М., 1996.
- Назаретян* 1999 – *Назаретян А.П.* Векторы исторической эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 112–126.
- Назаретян* 2000 – *Назаретян А.П.* От будущего – к прошлому (размышление о методе) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 142–150.
- Назаретян* 2004 – *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). М., 2004.
- Садохин, Грушевицкая* 2003а – *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Лекции по этнологии. М., 2003 (рукопись).
- Садохин, Грушевицкая* 2003б – *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Этнология. М., 2003.
- Салинз* 1999 – *Салинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.
- Тишков* 2006 – *Тишков В.А.* Политическая антропология. Курс лекций // Антропологическая наука в высшей школе. Методические материалы к оригинальным авторским спецкурсам. М., 2006.
- Barnard* 2006 – *Barnard A.* Introduction to Social Anthropology. Oxf., 2006.
- Barnard* 2007 – *Barnard A.* Anthropology and the Bushmen. Oxf., N.Y., 2007.
- Berreman* 1999 – *Berreman G.D.* The Tasaday Controversy // The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers / Ed. R.B. Lee, R. Daly. Cambridge, 1999. P. 457–464.
- Braidwood* 1957 – *Braidwood R.J.* Prehistoric Men. Chicago, 1957.
- Diamond* 1999 – *Diamond J.* Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies. N.Y., L., 1999.
- Cambridge Encyclopedia 1999 – The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers / Ed. R.B. Lee, R. Daly. Cambridge, 1999.
- Hiatt* 1996 – *Hiatt L.R.* Arguments about Aborigines. Australia and the Evolution of Social Anthropology. Cambridge, 1996.
- Hunter-gatherers 2004 – Hunter-gatherers in History, Archaeology and Anthropology / Ed. A. Barnard. Oxf., 2004.
- Knödel* 1998 – *Knödel S.* Yongning Moso Kinship and Chinese State Power // Naxi and Moso Ethnography, Kin, Rites, Pictographs. Zürich, 1998. P. 47–65.
- Monaghan, Just* 2001 – *Monaghan J., Just P.* Social and Cultural Anthropology. A Very Short Introduction. Oxf., 2001.
- Sahlins* 1972 – *Sahlins M.* Stone Age Economics. Chicago, 1972.
- Woodburn* 1968 – *Woodburn J.C.* An Introduction to Hadza Ecology // Man the Hunter. Chicago, 1968. P. 49–54.